Е. В. Реутов*

САМООРГАНИЗАЦИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПРАКТИКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ[1]

В современном российском обществе продвижение и реализация интересов массовых социальных групп неизбежно сталкивается с препятствием в виде тех политико-административных структур, которые легитимно и нелегитимно определили себя в качестве единственных институтов, имеющих право и возможность проводить волю народа. Причем, для подобного позиционирования практически не было ограничений в виде конкурирующих структур гражданского общества. Между тем, фактический монополизм государственных и квазиобщественных институтов в артикуляции групповых интересов чреват определенной инерцией и подменой смыслов. То, что зачастую позиционируется, как воля народ, в действительности может иметь совершенно иные истоки.

И если для представителей старшего поколения какие-то коллективистские ценности, сохранившиеся с советских времен, еще могут служить основой для самоорганизации и коллективного действия, то молодое поколение социализировалось уже в принципиально иную эпоху.

Социологические исследования по молодежной проблематике, проводимые в последние годы, фиксируют противоречивое состояние сознания российской молодежи. В структуре молодежного сознания отчетливо выражены позитивные установки на общение со сверстниками, на личное участие в каких-либо ассоциациях по интересам. Но, наряду с этим, российская молодежь демонстрирует крайне низкий уровень готовности к взаимодействию и самоорганизации. Общение на уровне компаний друзей или в формальных группах типа студенческих зачастую являются единственным видом коллективного действия для большого числа молодых людей.

Анализ деятельности молодежных организаций в современной России позволяет сделать не очень оптимистичный вывод. Участие молодых людей в организациях с позитивной программой деятельности (многих политических, волонтерских, профсоюзах и др.) носит преимущественно мобилизованный характер, то есть инициируется «сверху» руководством учебных заведений, государственными структурами, «взрослыми», общественными организациями, либо же основана на сугубо карьерных соображениях — рассматривается исключительно как социальный лифт. И большое количество действующих молодежных организаций не должно вводить в заблуждение (а на настоящий момент в России действует более 400 тыс. молодежных и детских общественных объединений).

Рекрутирование же участников в организации и сообщества с негативной программой (националистические организации, криминальные сообщества) протекает, как правило, более автономно. Наблюдается эффект «негативной консолидации» молодежи. И хотя круг участников данных групп во много раз уже, чем организаций «позитивной» направленности, их деятельности зачастую получает гораздо больший резонанс вследствие внимания СМИ к проблемным и болезненным точкам общества.

Опрос, проведенный в ходе социологического исследования «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» в Белгородской области в 2008 г. (N = 700), показывает, что самоорганизация молодежи, формирование молодежных организаций, движений не рассматривается молодыми респондентами как эффективный способ защиты молодежью своих прав, реализации интересов. Из перечня предложенных вариантов его выбрали лишь 12,57 % опрошенных. Конечно, традиционные формы гражданского участия, информирования власти об интересах молодежи пользуются еще меньшей поддержкой: участие в политических партиях — 5,29 %, обращение в органы государственной власти — 5,86 %, обращение в

© Реутов Е. В., 2008

* *доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета (г. Белгород, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент*

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ и Правительства Белгородской области № 08-03-55309а/Ц.

средства массовой информации — 7,29 %. 15,14 % респондентов вообще были категоричны — ответили, что не видят таких способов. Но большая часть респондентов (39,71 %) выбрала в качестве наиболее эффективного способа индивидуальную активность, использование своих личных и семейных ресурсов.

Определенные предпосылки к самоорганизации в молодежной среде присутствуют — это стремление изменить общество, которое не вполне устраивает значительную часть молодых людей, и наличие интереса к политике. По данным исследования, более четверти респондентов (28,86 %) не удовлетворяет общество, в котором они живут. О том, что они удовлетворены состоянием общества, утверждают менее половины (45,43%) респондентов. И довольно большая часть опрошенных (25,71 %) не смогла ответить на данный вопрос. Но, по-видимому, неудовлетворенность молодежи состоянием общества в действительности еще больше, поскольку на вопрос: «Хотели бы Вы изменить это общество?» утвердительно отвечают 58,86 %. Интересно, что доля молодых людей, желающих изменить общество (58,86 %), практически совпадает с долей тех, кто интересуется политикой (56,14 %).

Другое дело, что эти гипотетические предпосылки к самоорганизации в настоящий момент практически не переходят в плоскость не только реальных действий, но даже осознания необходимости и действенности интеграции, солидаризации и самоорганизации в преодолении индивидуальных и коллективных проблем молодежи. Ряд данных говорят, скорее, о том, что вовлеченность молодежи в общественную проблематику имеет достаточно стихийный характер. Неосознанный протест в среде молодежи, скорее всего, доминирует над его рефлексивными формами. Позволяют утверждать это ответы респондентов о структуре телепросмотров (речь об этом будет идти ниже) и корреляция желания общественных перемен с аудиторией телевизионных жанров. Если новости регулярно смотрят 35,71 % молодежи, то политические передачи — существенно меньше — 9,14 %. Из тех, кто регулярно смотрит новости, то есть вовлечен в общественную проблематику, желанием изменить общество характеризуются 59,20 % (по выборке в целом — фактически столько же — 58,86 %). Те же, кто отличается углубленным интересом к сфере политики — аудитория политических телепередач — в меньшей степени характеризуются желанием перемен (50,0 % против 58,86 % по выборке в целом). Наивысший уровень тяги к переменам отмечается среди постоянной аудитории художественных фильмов (65,0 %).

Исследование показывает также, что солидарность на макросоциальном уровне выражена весьма слабо — это находит отражение в низком уровне доверия практически всем государственным и общественным институтам (за исключением, и то отчасти) института Президента России. Так вот, ведущим институтом, которому доверяет относительное большинство респондентов, является Президент России (29,14 %). На втором месте находится церковь (11,43 %). Затем следует губернатор Белгородской области (8,14 %), суд, прокуратура (6,71 %), глава администрации муниципального образования (6,57 %), молодежные организации (5.29 %), средства массовой информации (4,0 %), органы безопасности (3,86 %), Государственная Дума (3,14 %), областная Дума (2,86 %), милиция (2,57 %), профсоюзы (1,57 %), политические партии (1,43 %).

В контексте темы исследования обращает на себя внимание тот факт, что доверие молодежи институтам исполнительной власти превышает, и достаточно существенно, доверие органам представительной власти и институтам продвижения коллективных интересов — общественным молодежным организациям, политическим партиям и профсоюзам. Доверие двум последним вообще находится на катастрофическом уровне. Показательно, что почти треть респондентов (30,51 %) отказала в доверии всем указанным институтам и еще 14,71 % затруднились с ответом. В совокупности это — почти половина опрошенных.

Но ожидать, что процессы самоорганизации в молодежной среде начнутся сразу с создания общественных организаций и включения в политический процесс, было бы наивно. Институционализация коллективных стремлений и действий на макросоциальном уровне — это, как правило, этап, следующий за формированием социальных сетей на микросоциальном уровне. И дефицит макрогрупповой интеграции — это следствие недостаточной солидарности на микросоциальном уровне. Исследование показывает, что значительная часть молодежи — до половины, а, возможно, и больше, нуждается в расширении круга общения, интересов, в поиске единомышленников. По крайней мере, 18,71 % респондентов однозначно утверждают это, и еще 30,43 % склоняются к этому.

www.univer.km.ua Університетські наукові записки, 2008, № 4 (28), с. 453-458.

Лишь 16,29 % опрошенных считают, что они в этом совершенно не нуждаются (24,43 % ответили «скорее всего, нет»). Совершенно очевидно, таким образом, что у очень большой части молодежи существует осознанная потребность в расширении поля коммуникации, причем, не только в экстенсивном аспекте — за счет новых знакомств, но и в направлении поиска единомышленников — людей, разделяющих их интересы и ценности. Но, по-видимому, запрос на расширение круга общения — это как раз следствие недостаточности реальной продуктивной коммуникации в молодежной среде.

Во многом низкий уровень поддержки молодежных организаций самой молодежью, распространенное среди молодежи мнение о том, что их деятельность никак не соотносится с действительными интересами молодежи, является следствием несамостоятельности, высокой степени «управляемости» большинства так называемых «молодежных организаций».

Несмотря на то, что большинство опрошенных экспертов (N = 31) — 64,52 % — отмечает, что отношение большей части молодежи к созданию собственных организаций за последние десять лет «стало более активным» (противоположного мнения придерживаются 12,90 %, о том, что оно не изменилось, утверждают 9,68 %), в экспертных оценках, хотя и не в категоричной форме, доминирует утверждение о том, что большинство формальных молодежных организаций в России созданы не самой молодежью, но взрослыми для манипулирования их участниками: 16,13 % экспертов считают, что это так «в полной мере», 61,29 % — «скорее да, чем нет», 12,90 % — «скорее нет, чем да» и ни один эксперт не думает, что это не так. Впрочем, именно такую ситуацию в молодежном движении России эксперты оправдывают, видимо, считая, что в условиях слабости самоорганизационных процессов в молодежной среде инициатива государства по созданию и руководству молодежными организациями вполне нормальна, если только «это в интересах самой молодежи». Так считает большинство (67,74 %) экспертов, а еще 12,90 % считают такую практику абсолютно оправданной даже без подобных оговорок. Против этого высказался лишь один эксперт (3,23 %).

В ходе опроса респондентам был предложен обширный перечень молодежных организаций, действующих в настоящее время в России, и предложено высказаться о том, знают, слышали ли они о данных организациях, отражают ли указанные организации интересы респондентов, действуют ли они в регионе и в месте, где проживают респонденты. Вопрос, таким образом, был построен так, чтобы определить (конечно, с известной долей условности), является ли информированность респондентов результатом деятельности средств массовой информации — федеральных и региональных или же личного опыта.

Больше всего респонденты оказались информированными о «России молодой» — о ней слышала почти половина (46,0 %) опрошенных. Однако эта информированность является результатом широкого освещения деятельности данной организации в федеральных СМИ. Что-либо о деятельности организации в Белгородской области знают всего 3,71 % респондентов, а в месте их проживания — совсем незначительное количество — 0,86 %, которых, скорее всего, просто подвела память. По крайне мере, на веб-сайте молодежного движения «Россия молодая» (*rumol.ru*) нами не обнаружено информации, касающейся деятельности организации в регионе.

На втором месте по уровню известности — движение «Наши» — о нем информированы 40,14 % респондентов. Хотя эта организация обладает, по сравнению с «Россией молодой», куда большим объемом административных, финансовых, коммуникационных ресурсов, о деятельности ее в Белгородской области знают (или считают, что знают) 8,86 % респондентов, о деятельности в месте своего проживания — 4,29 %. Но, в отличие от «России молодой», у «Наших» в области действительно были реальные проекты. Некоторые из белгородской молодежи участвовали в лагере «Наших» на Селигере.

На третьем месте — «Идущие вместе» — провластный проект, предшествующий «Нашим», отодвинутый им на второй план, но, как видно, не забытый молодежью. Об их деятельности в Белгородской области знают 2,29 %, в месте собственного проживания — 1,0 % респондентов.

На четвертом месте следует Молодежное «Яблоко». О нем знают 37,57 %, об его деятельности в регионе — 2,86 %, в месте проживания — 0,71 %.

На пятом месте — казалось бы, забытые «Соколы Жириновского». О них знают, точнее, помнят 36,86 %, об их деятельности в регионе — 2,29 %, в месте проживания — 1,29 %.

Університетські наукові записки, 2008, № 4 (28), с. 453-458. www.univer.km.ua

На шестом месте — «Красная гвардия», но не исключено, что часть респондентов перепутала ее с «Молодой гвардией» «Единой России». О ней знают 35,57 %, об ее деятельности в регионе — 2,86 %, в месте проживания — 1,0 %.

На седьмом месте с незначительным отрывом — «Молодая гвардия» Единой России». О ней знают 35,29 %, об ее деятельности в регионе — целых 13,0%, в месте проживания — 6,0 %.

На восьмом месте — Союз Коммунистической молодежи (СКМ) — фактически молодежное крыло КПРФ. О нем знают 34,43 %, об его деятельности в регионе — 2,86 %, в месте проживания — 1,0 %.

На девятом месте оказалась «Ура» — одна из молодежных организаций, аффилированных со «Справедливой Россией». Ее знают 34,0 % респондентов. Об ее деятельности в регионе (скорее всего, несуществующей) информированы 1,71 %, в месте собственного проживания — 1,57 %.

На десятом месте — еще один молодежный «отряд» «Справедливой России» — «Победа» — 33,57 %, 2,0 %, 1,29 %.

На одиннадцатом — Национал-большевистская партия (НБП) — 32,71%, 1,14%, 1,29%.

На двенадцатом — «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) — 31,57 %, 2,14 %, 1,14 %.

На тринадцатом — «Оборона» — 30,43 %, 1,43 %, 1,0 %.

На четырнадцатом месте оказался достаточно представленный в информационных сюжетах центральных СМИ «Авангард Красной молодежи» (АКМ) — 30,29 %, 1,0 %, 1,14 %.

То есть фактически все наиболее упоминаемые в СМИ (а в вопрос мы включили именно такие) молодежные организации известны от трети до половине респондентов, но эта известность — результат, прежде всего, деятельности центральных СМИ. Единственные исключения, хотя и их рейтинг известности также весьма невелик, — «Молодая гвардия» «Единой России» и «Наши».

И если о деятельности ряда молодежных организаций молодежь информирована достаточно хорошо, то поддержка их идеологии, целей и др. среди молодежи выражена крайне слабо. Максимальная доля респондентов, считающих, что организация выражает их интересы — 8,57 % — относится к «Молодой гвардии» «Единой России». На втором месте по уровню поддержки — «Наши» (4,43 %). Характерно, что на третьем месте с 4,0 % сочувствующих — движение с националистическими, близкими к экстремистским, лозунгами — «Движение против нелегальной иммиграции». Всем остальным организациям сочувствуют не более 3 % молодежи.

Таким образом, подавляющее большинство респондентов (приблизительно от 91 до 99 %), оценивая деятельность конкретных молодежных организаций, указали, что они не выражают их интересы.

Такого рода критическое отношение к репрезентации молодежными организациями интересов молодежи, влечет и невысокий уровень участия в них. Как выяснилось в ходе исследования, организации политической направленности рекрутируют большинство молодежи, вовлеченной в деятельность молодежных организаций (4 % от выборки и 32,56 % от вовлеченных в деятельность молодежных организаций). Хотя, в принципе, должно быть наоборот — поскольку сфера интересов намного шире политики. Такой перекос следует признать искусственным. Скорее всего, повышенная представленность среди вовлеченных в деятельность ассоциаций членов именно политических организаций свидетельствует просто о недостаточно сформированном пространстве коллективного действия в молодежной среде и, шире, в российском обществе в целом. И принципиально изменить данную ситуацию вряд ли возможно, поскольку запрос на коллективную деятельность, на создание гражданских ассоциаций в молодежной среде не выражен. Выше мы уже вели речь о предпочтении молодежью преимущественно индивидуализированных практик адаптации к социальной ситуации, преодоления возникающих жизненных проблем. Так вот, из 89,14 % не вовлеченных в деятельность молодежных организаций лишь 16,86 % респондентов высказали желание стать их участниками. 54,86 % — абсолютное большинство — высказались отрицательно.

Но если часть молодежи, не вовлеченной в деятельность молодежных организаций, все-таки хочет в них участвовать (16,86 % от выборки в целом и 18,91 % от тех, кто не

www.univer.km.ua Університетські наукові записки, 2008, № 4 (28), с. 453-458.

является членом молодежных организаций), что же препятствует этому? Причины этого сводятся самими респондентами, прежде всего, к трем пунктам: собственная пассивность (9,86 %), отсутствие в месте проживания респондента таких организаций или же их неизвестность (9,57 %), несоответствие имеющихся организаций интересам респондента (8,14 %). Часть респондентов (7,0 %) указывает также на отсутствие авторитетных лидеров. По-видимому, основным объяснением все-таки следует признать первый и третий пункты. Имеющиеся (по крайней мере, известные респондентам) организации не соответствуют субъективным интересам и потребностям потенциальных участников, а собственная инертность препятствует в поиске удовлетворяющих требованиям или в объединении единомышленников на основе действительно актуальных интересов. Здесь возникают вопросы — а какие же интересы представляются наиболее существенными для участников опроса? Что, в наиболее значительной степени, востребует самоорганизацию молодежи, ее объединение в рамках общественных организаций. Показательно, что относительное большинство респондентов на вопрос о том, какие молодежные организации нужны сегодня, называет, в первую очередь, не досуговые объединения по интересам (они лишь на втором месте — 18,86 %), а юридические, правовые (22,0 %).

Мобилизационный потенциал действующих в настоящее время общественных организаций молодежи, таким образом, невелик и ненамного превосходит их актуальный состав. Но, интерпретируя эти данные, следует помнить о том, что речь идет о включении молодежи в действующие в настоящее время молодежные организации, авторитет которых у молодежи достаточно низок (доверяют молодежным организациям, как указывалось выше, всего 5,29 % респондентов). Что же препятствует массовому вовлечению молодежи в деятельность этих организаций? Значительная часть (26,71 %) противников вступления в объединения молодежи утверждает, что у них просто нет времени. Хотя вряд ли эту причину следует признать существенной. Существенная доля респондентов (14,57 %) утверждает, что ни одна из известных организаций им не интересна. Многие респонденты (13,57 %) также убеждены в том, что «такие организации — лишь инструмент манипулирования молодежью». 9,43 % убеждены в том, что в состоянии сами защитить свои интересы. Таким образом, причины для отказа от участия в деятельности общественных молодежных организаций многообразны, но к числу наиболее существенных относятся: отсутствие интереса к деятельности существующих организаций (можно предположить — из-за их формализма и несоответствия субъективным интересам молодежи) и сформировавшаяся убежденность в том, что задачей создаваемых «взрослыми» молодежных организаций является исключительно манипулирование их участниками, использование их деятельности в неясных и чуждых целях борьбы за власть.

На третьем месте по степени востребованности находятся спортивные молодежные объединения (11,57 %). Далее следуют: экологические (9,71 %), «общественные, не политические», позволяющие, по-видимому, удовлетворить потребность молодежи в гражданском участии, общественно-полезной деятельности (8,29 %), политические (6,0 %), националистические (4,57 %), религиозные (2,0 %). 14,0 % считают, что никакие организации молодежи не нужны.

В определенной степени определенные респондентами приоритеты позволяют констатировать достаточно высокий уровень гражданского самосознания молодежи, адекватность ее нормативных представлений о направлениях и задачах самоорганизационных процессов в молодежной среде. Несколько позже мы выясним уровень личной готовности участвовать в конкретных направлениях деятельности по реализации общественно-полезных функций.

Как мы выяснили, реальный и мобилизационный потенциал общественных молодежных организаций достаточно невелик — считают себя участником какой-либо организации 10,57 % респондентов и еще 16,86 % хотели бы ими стать — в совокупности около четверти опрошенных. Аналогичный вопрос, касающийся отношения к членству в политических партиях, дал несколько неожиданные результаты. Исходя из крайне низкого уровня доверия к политическим партиям (им доверяют, напомним, 1,43 % респондентов), казалось бы, доля участников политических партий и тех, кто стремится ими стать, должна быть значительно ниже по отношению к общественным молодежным организациям. Тем не менее, к членам политических партий себя отнесли не так уж мало респондентов — 5,57 %.

Університетські наукові записки, 2008, № 4 (28), с. 453-458. www.univer.km.ua

Результаты опроса показывают, что у политических партий, как и у молодежных организаций, есть определенный резерв потенциальных участников, но он также, как и в случае с молодежными организациями, достаточно невелик — 15,86 % респондентов высказывают желание стать членами политических партий. Хотя нужно обратить внимание и на довольно значительную группу тех, кто не выражает такого желания, но и не отрицает категорично этой возможности — 18,14 %. Таким образом, удельный вес молодежи — реальных и возможных (на уровне установок) участников политических партий составляет пятую часть опрошенных — 21,43 %.

В определенной степени запрос на участие в политических партиях, видимо, объясняется не столько гражданской позицией или потребностью в расширении круга общения, как в случае с общественными организациями, сколько более прагматичными, возможно, карьерными соображениями. То есть стремление к членству в политической партии не следует, скорее всего, интерпретировать как проявление самоорганизационных процессов в молодежной среде. Это в большей степени карьерная стратегия, имеющая индивидуализированный характер. Увеличение объема социального капитала является в этом случае инструментом личного успеха.

Таким образом, стремление включиться в партийную жизнь вряд ли следует рассматривать как форму социокультурной рефлексии молодежи. Более того, скорее это — демонстрация недостаточной рефлексивности сознания молодых людей, которая проявляется, в том числе и в повышенном индивидуализме молодых людей.

Если же говорить о самоорганизации молодежи в рамках неформальных объединений, в том числе, субкультурных групп, то и здесь участие в подобных ассоциациях не рассматривается респондентами в качестве институционализированной возможности достижения коллективных целей. О своих симпатиях к той или иной субкультурной группе заявляют около трети опрошенных — 35,28 %. Из них, правда, больше всего сторонников у футбольных фанатов (8,71 %) — именно той субкультуры, которая в наибольшей степени способствует нивелированию индивидуального начала и сугубо групповой самоидентификации.

Таким образом, у молодежи достаточно слаба мотивация и к неформальной коммуникации, хотя она, безусловно, сильнее, чем в случае с формальными молодежными объединениями.

Итак, следует констатировать, что в определенной степени самоорганизационные процессы в среде российской молодежи являются скорее маргинальным и периферийным явлением, а сама молодежь в целом ряде магистральных социальных процессах обречена на роль «ведомого». Процессы самоорганизации в среде молодежи, как правило, либо имитируются, либо навязываются извне. В результате фактически консервируется актуальная социокультурная среда. И изменить подобную ситуацию в короткие сроки, посредством тех или иных технологий не представляется возможным. Однако в российском обществе постепенно заканчивается период эйфории от стабилизации общества и государства в 2000-е гг. Нерешенность ряда ключевых проблем российского общества (экстремальная социальная поляризация, существенные масштабы депривации, структурная слабость экономики, коррупция и др.) являются значимыми предпосылками как для позитивной, так и для негативной потенциальной консолидации молодежи.

www.univer.km.ua Університетські наукові записки, 2008, № 4 (28), с. 453-458.